

Шаповалова Наталья Сергеевна

**Социальная память в закрытых и открытых обществах:
социально-философский анализ**

09.00.11 – социальная философия по философским наукам

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Работа выполнена в ФГБОУ «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.»

Научный руководитель доктор философских наук, профессор Устьянцев Владимир Борисович

Официальные оппоненты:

Шугуров Марк Владимирович, доктор философских наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры философии

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, профессор кафедры социологии молодежи

Ведущая организация ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Защита состоится «5» июня 2012 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.09 при Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского по адресу: 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83, XII корпус, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Автореферат разослан «__» _____ 2012 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Листвина Е.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Без прошлого нет настоящего и будущего. Люди, жившие до нас, дали нам нечто бесценное – опыт, опираясь на который можно в будущем избежать непоправимых ошибок. Опыт определенным образом фиксируется в структуре социальной памяти. Различные общественные группы и различные эпохи имеют свои традиционные схемы, свои собственные шаблоны вспоминания прошлого. Данные схемы зависят, прежде всего, от типа общественного устройства.

Социальная память, транслирующая ценностно-смысловое содержание прошлого, позволяет субъектам идентифицировать свое бытие с бытием предшествующего поколения и осознавать свою уникальность и ответственность. В последнее время возрастает роль социопамати в коммуникационной деятельности. Идентичность в понимании ценностно-смыслового содержания социальной памяти всеми субъектами коммуникации способствует правильному восприятию и интерпретации переданного сообщения. Установлению понимания между субъектами коммуникационной деятельности способствует, прежде всего, однозначное восприятие смыслов социальной памяти. Посредством этих смыслов, отражающихся в сознании и действиях ее субъектов, осуществляется коммуникационные процессы. Социальная память – это движение смыслов в социальном пространстве и времени, и поэтому, точное и правильное восприятие этих смыслов в процессе коммуникации способствует пониманию ценностно-смыслового мира предыдущих поколений и, возможно, дальнейшему движению в русле воспринятых традиций и ценностей.

Именно социальная память является хранительницей разнообразных смыслов и значений культуры, фиксирующихся в структуре социокода, определяющего программу развития и устройство общества. Социальная память в традиционных обществах и обществах, отличающихся демократизацией общественной жизни, проявляется с разной степенью интенсивности и функционирует посредством различных институциональных механизмов трансляции социальных ценностей, знаний и опыта. Анализ этих механизмов поможет выявить принцип действия памяти, что является актуальным для полноценного исследования феномена социопамати.

Память индивидуального субъекта представляет собой ось времени, организующую и удерживающую поток сознания, выделяя в нем до и после, и, задавая последовательность в длительности, что позволяет субъекту идентифицировать и отождествлять «прошедшее Я» и «Я» в настоящем, то, что Я представляет собой сейчас. Аналогично этому сравнению и социальная память подобна оси, удерживающей и фиксирующей вокруг себя бытие коллективных субъектов (таких, как социальная группа, общество, нация, этнос или человечество в целом), обеспечивающей целостность развития социального организма и его самотождественность. Социальная память

конституирует социальных субъектов, удерживает их идентичность и поддерживает континуальность. Тем не менее, социальные трансформации, характерные для современных обществ, меняя позицию личности в системе социальных взаимосвязей на активную и независимую, приводят к угасанию роли традиций и независимости индивидуального сознания от коллективного. Эти процессы вводят энтропийность и диссипативность в существование и жизнедеятельность социальных организмов, что и делает актуальным обращение к феномену социальной памяти.

Следует отметить, что много исследований было посвящено выявлению исторических феноменов социальной памяти, изучению ее структуры, элементов. Исследование социальной памяти в закрытых и открытых обществах позволяет выявить этот феномен в динамике, проследить, как становление и изменение общественных структур и отношений влияет на феномен социальной памяти, как он изменяется в зависимости от этих характеристик.

Степень научной разработанности проблемы. Исследование феномена социальной памяти началось в XX в. Однако, обращение к памяти как важной проблеме философского исследования можно найти у Платона, А. Августина, И. Канта, Г.В. Гегеля, В. Дильтея, А. Бергсона, П. Рикёра, М. Хальбвакса.

Интерес к проблеме памяти, возникший еще в античности, определил исследование этого феномена с позиций философии. Связывая память с общей проблемой истины и знания, Платон определяет истинное знание как воспоминание бессмертной души об идеальном мире. По Платону, память есть знание, знать – значит помнить, познавать – значит припоминать, забвению подлежит все узнанное и познанное. Аристотель в трактате «О памяти и припоминании», придерживаясь материалистического учения об отражении объективного мира, определяет память как обладание образом, как подобием того, чего он образ. Согласно И. Канту, память является важнейшим элементом схемы, который, удерживая прошлые знания, соединяя их с актуальным восприятием, реализует функции времени и пространства – созерцать явления последовательными и сосуществующими, благодаря чему мир предстает перед нами длящимся и целостным. А.Бергсон в работе «Материя и память» отмечает, что память и сознание поддерживают континуальность мира. Память не только сохраняет прошлое, но и упорядочивает настоящее, так как она содержит сеть образов, появляющихся в процессе взаимодействия сознания с окружающим миром и с помощью которой мы классифицируем события настоящего. Таким образом, память помогает организовать поток сознания, выделяя в нем до и после, и, задавая последовательность в длительности.

Психологическая мнемонистика получила наибольшее развитие в трудах А.С. Асмолова, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, рассматривающих память как запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидом своего опыта, а также в работах П.П. Блонского,

З. Фрейда, Э. Фромма, К. Юнга, признающих феномен коллективной души и коллективного бессознательного.

В исследовании социопамати с позиций социологического подхода определяющее значение имеют работы Э. Дюркгейма, П. Бергера и Т. Лукмана, Л. Леви-Брюля, А. Шюца. Концепция Э. Дюркгейма о «коллективном сознании» и «социальных фактах» заметно повлияла на теорию французского социолога Хальбвакса¹, который впервые вводит понятие «коллективной памяти». В своей концепции Хальбвакс отказывается от нейрофизиологической основы памяти и вместо этого выявляет социальную обусловленность и социальные рамки, без которых не могла бы формироваться и существовать индивидуальная память.

Информационный аспект социальной памяти, определяющий память как своеобразное хранилище результатов практической и познавательной деятельности, выступающих в информационном отношении базисом функционирования и развития индивидуального и общественного сознания, рассматривался в концепциях Я.К. Ребане, В.А. Колеватова, Н.А. Терещенко. В.Б. Устьянцев рассматривает социальную память как сложную взаимосвязь институтов, осуществляющих преемственность прошлого и настоящего². А.В. Дахин вводит понятие коллективной социально-исторической памяти, где коллективные действия являются формой коллективного памятования о предшествующей истории³.

Ю.М. Лотман, А.Я. Гуревич, А. Моль с позиций культурологического подхода рассматривают память как культурно-историческое наследие, своеобразный духовный потенциал народа. Посредством семантического анализа Ю.М. Лотман определяет культуру как коллективную память и непосредственно связывает ее с хранением и передачей смысла. А. Моль вводит понятие «память мира» и отмечает, что культура общества воплощена в «сети знаний», образованной из множества производимых обществом материалов культуры. В концепции Яна и Алейды Ассман память рассматривается как социальный феномен, делающий возможным континуальность культуры. Центральным в их концепции является различение коммуникативной и культурной памяти в качестве форм взаимодействия с прошлым.

Исследование социальной памяти представлено не только в монографиях, но и в диссертационных исследованиях Д.А. Аникина, Р.А. Батомункуевой, Д.Г. Давлетшиной, О.Т. Лойко, М.П. Назаровой, И.Ю. Соломиной, Л.Р. Хасановой, И.А. Ромащенко.

¹ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007; Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. СПб., 2000; Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас, 2005, № 2-3.

² Устьянцев В.Б. Артефакты в жизненном пространстве социальной памяти // Время/время артефактов (Социальная аналитика непоправимости). СПб., 2004; Устьянцев В.Б. Жизненное пространство социальной памяти: проблема генезиса // Материалы пятых Страховских чтений. Саратов, 1996.

³ Дахин А.В. Фактор коллективной социально-исторической памяти в социальных процессах: Управление или самоорганизация // Российская социология в публичном пространстве страны и мира: материалы конференции. М., 2008.- С.31-40.

Саратовские мыслители разработали методологические и социокультурные основания исследования социальной памяти, а также основания ее исследования в традиционном и современном обществе (Я.Ф. Аскин, А.С. Борщов, В.Н. Гасилин, М.Э. Елютина, Е.В. Листвина, М.В. Шугуров). В рамках саратовской философской школы создано целое направление в исследовании проблем социальной памяти и связанной с ней проблемой социального кодирования (В.Б. Устьянцев, В.П. Барышков, Д.И. Заров, Д.А. Аникин, О.Н. Осина, Е.В. Романовская).

Разработка гносеологических оснований социопамати в связи с проблемами научного познания, картины мира как проявления памяти общества, а также сущности исторического знания и его значения в современном мире относится к работам Т. Куна, В.С. Степина, В.Н. Сырова.

Несмотря на то, что феномен социальной памяти широко исследован в разных аспектах и с точки зрения различных подходов, остается нерешенным ряд проблем. Феномен социальной памяти не исследован с позиции институционального подхода, репрезентирующего память в качестве структуры, институционализирующей социальные процессы как на микро-, так и на макро-уровне. Кроме того, в современной социально-философской и междисциплинарной литературе отсутствует исследование памяти открытых обществ в институциональных и ценностных аспектах.

Объектом данного диссертационного исследования является социальная память как особое социальное образование, которое трансформирует свои свойства в соответствии с социальными изменениями с целью обеспечения стабильности социума. **Предмет исследования** – институциональная структура социальной памяти закрытых и открытых обществ.

Проблемой данного исследования является выявление изменений в структуре и функционировании социальной памяти с переходом от закрытого к открытому обществу. Современное общество, которое характеризуется как массовое, глобальное и информационное, требует замены прежних механизмов социального наследования, которые в значительной степени были постепенными, самоорганизующимися и гомогенными. Социальная реальность приобретает транснациональный и транскультурный характер, уже не регулируется прежними механизмами традиций.

В проблемном поле социальной философии возникает вопрос: каким образом закрытое (традиционное) общество, основанное на мощной социальной памяти, стало уступать открытому обществу, где рушатся традиционные структуры, а, значит, ослабевает конституирующая, собирающая функция социальной памяти. Поскольку единство общества зависит от подчинения коллективным стандартам, матрице коллективного мышления, возникает проблема выявления вопроса о том, что происходит с феноменом социальной памяти и почему ослабевает ее функция.

Основной целью диссертационного исследования является выявление специфических свойств и структуры социальной памяти в двух

исторических типах цивилизаций. В соответствии с целью, объектом, предметом и проблемой исследования выдвигаются следующие задачи:

1. Выявление структуры и институциональных механизмов в пространстве социальной памяти.
2. Выявление этапов институционализации социальной памяти.
3. Исследование онтологических и ценностных оснований субъектов социальной памяти.
4. Исследование социальной памяти в закрытом (традиционном) обществе.
5. Исследование свойств социальной памяти и ее мнемической матрицы в открытом обществе, отличающемся активностью социальных субъектов и демократизацией общественной жизни.
6. Анализ возможных рисков, связанных с осуществлением социопамати в открытом обществе.

Методологическая основа исследования. Логика исследования и характер поставленных проблем предполагает выделение и рассмотрение *коммуникативного аспекта* социальной памяти, которая подразумевает передачу во времени от одного поколения к другому социального опыта посредством информационных структур, выраженных в социокодах, свойственных определенному этапу развития общества.

Характер рассматриваемых проблем обуславливает необходимость применения следующих подходов: институциональный, социокультурный, информационный и деятельностный.

Применение *информационного подхода* к исследованию социальной памяти позволяет определить ее в качестве накопленной в процессе культурно-исторического развития информации, передаваемой из поколения в поколение посредством определенных социокультурных средств и являющейся основой как индивидуального, так и общественного познания. Информационный подход позволяет раскрыть проблему сохранения социальной информации, входящей в содержание социальной памяти, и обозначить наиболее эффективные способы ее трансляции.

Деятельностный подход позволяет исследовать память общества как целенаправленный процесс сохранения и передачи прошлого от поколения к поколению, осуществляемый индивидуальными и коллективными субъектами.

Институциональный подход в исследовании социальной памяти позволяет выявить генезис и развитие основных ее институтов в процессе культурно-исторического и информационного развития общества. Следует учесть, что институты здесь понимаются не в качестве социальных организаций, а в качестве правил, норм и установлений, которые регулируют повседневную деятельность человека. Однако, не стоит резко негативно воспринимать институты, придавая им статус «жесткого каркаса». Они являются гибкой поддерживающей структурой, изменяющейся под влиянием практического действия.

Институциональный подход выявляет микро- и макроструктуры социальных взаимодействий. Исследования на микро-уровне позволяют выделить и рассмотреть складывающиеся социальные практики, которые институционализируются и формируют пространство социальных предпочтений и ограничений. На макро-уровне институциональный подход позволяет выделить институты, формирующие пределы и рамки институциональных преобразований и определяющие социетальную природу общества.

Понятие института непосредственно связано с привычным и традиционным образом мышления и поведения. Этим и объясняется их существование в традиционных обществах, в которых следование традициям обеспечивает необходимость социума в самосохранении и социокультурной устойчивости. Несмотря на то, что современное (открытое, информационное, сетевое) общество и предполагает такие принципы, дистанцированные от традиционных общественных стандартов и норм, как индивидуальность, открытость и свободу, человеческая коммуникация все больше охватывается сетью технических стандартов, опосредующих все социальные взаимодействия и заключающих их в специфический технологический каркас. Социальные поля-сети пронизывают и охватывают всю социальную реальность.

Социокультурный подход предполагает исследование и понимание социальной памяти в качестве социокультурной системы, функционирующей в вербальной, книжной и посткнижной культурах. Этот подход позволяет выявить структуру социопамати закрытых обществ, где господствуют традиционалистские ценности, и существует приоритет норм и правил поведения, и память открытых обществ, в которых кодирование исторического опыта и его трансляция осуществляется при помощи либеральных ценностей.

Научная новизна исследования разворачивается в авторском обосновании институциональных оснований феномена социальной памяти и мнемической матрицы и основных ее характеристик в закрытых и открытых обществах.

- впервые выявлены институциональные векторы развития и расширения пространства социальной памяти, детерминируемые развитием информационной и коммуникационной структуры общества;

- с новых позиций раскрыты этапы институционализации социальной памяти; обоснованы социокультурные факторы преемственности исторических типов социальной памяти;

- по-новому определены методологические основания исследования субъектов социопамати; в связи с субъектами истории впервые обоснована необходимость исследования коллективного субъекта в качестве изначального субъекта социально обусловленных форм мнемической деятельности;

- проведен авторский социально-философский анализ социальной памяти в традиционных (закрытых) обществах; впервые выявлена мнемическая матрица закрытых обществ, обоснована ее структура.

- разработано авторское положение о структуре социальной памяти в открытых обществах. Выявлена мнемическая матрица открытых обществ.

- проведен авторский анализ рискогенного пространства социальной памяти открытых обществ и выявлена территория возникновения рисков.

Характер и степень научной новизны проведенного исследования отражают основные **положения, выносимые на защиту:**

1) Развитие информационного пространства общества продуцирует и детерминирует преобразование и расширение пространства социальной памяти, в рамках которого происходит передача социальной информации: вербальное пространство дополняется графическим, с появлением современных информационных (компьютерных) технологий возникает электронное и виртуальное пространство памяти, вбирающее в себя предшествующие состояния и возрождающее многомерное восприятие мира. Расширение пространства социопамати детерминирует соответствующее расширение и эскалацию ее институциональных векторов, осуществляющихся посредством вербальных, графических, электронных и виртуальных средств коммуникации.

2) Существует несколько этапов институционализации социальной памяти, критериями которой выступают институциональные средства кодирования и передачи информации, характерные для определенного этапа развития общества: институционализация и передача социальной информации посредством системы жестовых знаков, речи (языка), устной традиции (выраженной в эпосе), рукописных текстов (с появлением алфавита), печатных текстов (с появлением книгопечатания), электронных текстов. Каждый из этих этапов, транслируя устоявшиеся нормы и правила жизнедеятельности социальной системы, вводит субъектов в общее смысловое пространство и способствует преемственности исторического опыта и интеллектуальных ресурсов. Погружая в интерсубъективный мир как поле взаимосоотнесенности субъектов, средства кодирования и передачи информации типизируют и институционализируют индивидуальные и субъективные переживания, вынуждая мыслить по транслируемой схеме.

3) Изначальным субъектом социопамати является коллективный субъект. Лишь после того, как индивид включается в разнообразные социальные группы и коллективные формы деятельности, он становится субъектом собственной деятельности, в том числе мнемической. Коллективный субъект существует вне отдельного индивидуального субъекта, проявляя себя не только через внутренние структуры сознания индивидуального субъекта, но и посредством внешней предметно-практической деятельности и коллективной, корпоративной, познавательной деятельности с системой объективированного знания. Коллективность закрытых обществ отлична от коллективности в открытом обществе: если в традиционной культуре включенность индивидуального субъекта по

преимуществу в нормативно закреплённые социальные общности обеспечивала ему жесткую институциональную защищённость и некоторую долю личной безответственности, то в открытых обществах социальные группы и институты объединяют индивидуальных субъектов, обладающих высокой степенью самостоятельности.

4) Мнемическая матрица закрытых обществ, образуемая информационным, институциональным и деятельностным компонентами, реализуется в соответствии с институциональной матрицей этого типа общества и основными его институтами. Информационный аспект мнемической матрицы закрытых обществ представляет память как систему знаний и непререкаемых догм, которые носят закрытый характер: накапливаются, хранятся и передаются в рамках одной касты, сословия, передаются от поколения к поколению в виде профессиональных знаний, защищённых от внешнего мира. Деятельностный аспект мнемической матрицы закрытых обществ репрезентирует социопамять как коллективную деятельность по ценностно-смысловой реконструкции и максимальном удержании прошлого, воспринимающегося в качестве «сакрального», в настоящем. Институциональный аспект определяет социопамять как совокупность общинных, сословных, «цеховых» институтов, непосредственно воздействующих как на тело (внешний контроль), так и на сознание (внутренний контроль).

5) Мнемическая матрица открытых обществ, образуемая информационным, институциональным и деятельностным компонентами, реализуется в соответствии с институциональной матрицей этого типа общества и основными его институтами. Информационный компонент мнемической матрицы открывает ресурсный аспект социальной памяти, предполагающий открытость (доступность) ее информационных слоев, возможность приобщения любого субъекта к воспоминаниям и представлениям о прошлом и возможность интерпретации последнего. Деятельностное начало мнемической матрицы открывает личностный аспект социальной памяти, репрезентирующий становление индивидуального субъекта в качестве активного субъекта истории и памяти. Институциональный компонент мнемической матрицы открытых обществ представляет социопамять в качестве вариативного, порой латентного источника воздействия на социальное поведение и сознание субъекта.

6) Мнемическая матрица закрытых обществ, имеющая однородную структуру и прямое, непосредственное действие, осуществляется посредством традиций. Мнемическая матрица открытых обществ образует неоднородную структуру, содержание которой опосредуется и зависит от следующих элементов: активность и рефлексивность субъектов социопамати, которые в соответствии со своими интересами и целями принимают, трансформируют или вовсе отвергают «истины» прошлого; деятельность социальных групп и сообществ, задающих «рамки» воспоминаний и восприятия прошлого; деятельность «творцов» памяти (СМИ, властная элита), которые в зависимости от своих интересов актуализируют, создают,

поддерживают или вытесняют те или иные образы прошлого. Следствием опосредованности и конструктивности социальной памяти в открытых обществах является ее рискогенность. В пространстве социопамати можно выделить следующие территории возникновения рисков: риски, связанные с вертикальными или диахроническими противоречиями, возникающими при взаимодействии прошлого и настоящего; риски, связанные с горизонтальными или синхроническими противоречиями, возникающими при взаимодействии разных культур, обладающих своей социальной памятью и национальным самосознанием; риски, возникающие при осуществлении «политики памяти»; риск полной утраты прошлого или манкуртизм.

Теоретическая значимость диссертационного исследования. Результаты диссертационного исследования имеют теоретическое и практическое значение для сферы социального прогнозирования, могут служить основой для разработки стратегических планов управления развитием исторической, культурной и социальной памяти общества. Полученные результаты и методический материал могут выступать основой для теоретических и практических исследований по проблемам методологии общественного развития, детерминированного структурой памяти социума. Концепция и положения данной работы могут быть использованы в дальнейшем теоретическом исследовании феномена социальной памяти.

Практическая значимость работы заключается в том, что разработки данной диссертационной работы, возможно, помогут найти решение некоторых проблем современности, которые во многом порождены процессами, связанными с глубинными трансформациями структур социальной памяти и коммеморативных практик. Основные положения и выводы диссертационной работы могут быть использованы в разработке учебных курсов по социальной философии, культурологии для студентов, магистрантов и повышения квалификации специалистов различных специальностей, а также при написании спецкурсов («Особенности институционализации наследования прошлого»; «Социальная память и современное коммуникационное пространство», «Рискогенное пространство социальной памяти»).

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы, полученные в ходе диссертационного исследования, представлены в выступлениях автора на аспирантских семинарах 2009-2011 гг. и заседании кафедры философии Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., а также на научных форумах различного уровня: Всероссийской научной конференции «Человек и общество в условиях инновационного развития» (Саратов, 2010); Международной научной конференции «Инновационное общество – новая историческая эпоха цивилизационного развития» (Саратов, 8-11 февраля 2010); VIII Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования» (Тамбов, 26 февраля 2010); V Международной научно-практической конференции «Наука и

современность-2010» (Новосибирск, 4 октября 2010); Пленарном Симпозиуме «Будущее России: стратегии философского осмысления» в рамках научно-культурного форума «Дни Петербургской философии» (Санкт-Петербург, 18 ноября 2010); Международной научной конференции в рамках Дней Петербургской философии «Философия национального наследия» (Санкт-Петербург, 19 ноября 2010); Восьмых Межрегиональных Пименовских чтениях «Церковь, образование, наука. История взаимоотношений и перспектива сотрудничества» (Саратов, 2010); заседании круглого стола «Личность в современном мире» (Саратов, 16 декабря 2010); Российской научно-практической конференции «Социальное время культуры: культурная политика и социальная память» (Саратов, 22 апреля 2011); Международной научно-практической конференции «Межкультурная коммуникация в контексте глобализации и мультикультурализма» (Саратов, 16-18 мая 2011); Шестых Аскинских чтениях «Ценности, риски, коммуникации в изменяющемся мире» (Саратов, 18 октября 2011); Девятых Межрегиональных Пименовских чтениях «Наука, образование, культура: духовно-нравственные основы и пути развития» (Саратов, 9-12 декабря 2011); Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных «Россия в глобальном мире: онтологические основания и проблемы идентичности» (10 февраля 2012).

По теме диссертационного исследования опубликовано 14 научных работ.

Структура диссертационной работы обусловлена целью и задачами исследования и включает: введение, две главы, каждая из которых содержит два параграфа, заключение и библиографический список. Структура диссертации реализует проблемно-логический принцип.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, дается характеристика степени ее научной разработанности, показываются проблемные аспекты изучаемого вопроса. Определяются объект и предмет, цель и задачи, теоретико-методологические основы исследования. Формулируются научная новизна и положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об источниковой базе исследования, освещается теоретическая и практическая значимость работы, а также формы ее апробации.

Первая глава диссертации «Социальная память как институциональная структура общества» посвящена компаративистскому анализу категориального ряда памяти общества, концептуальному определению феномена социальной памяти, анализу тенденций изменения институциональных механизмов и пространства памяти, обусловленных развитием информационной и коммуникационной структуры общества, а

также исследованию онтологических и ценностных оснований субъектов социопамяти.

В первом параграфе «Институциональный дискурс социальной памяти» исследуются основные этапы в развитии цивилизации, связанные с развитием коммуникационных технологий. На первом этапе, обозначенном устными формами передачи информации, формируется *вербальное пространство* социальной памяти. Содержание социопамяти, зафиксированное в социокоде, передавалось вербально. Сохранение знаний, социально-значимой информации опиралось только на живую память людей, поэтому все усилия были направлены на запоминание и повторение существующего знания. Второй этап, обозначенный появлением алфавита и рукописных текстов, и третий, связанный с изобретением печатного станка и превращением книги в продукт массового потребления, отмечен появлением *графического пространства* социальной памяти. Социокод культуры в этот период преимущественно транслируется посредством печатных книг и воспринимается зрением через чтение. Четвертый этап, возрождающий многомерное восприятие мира и коллективность посредством замещения письменно-печатных языков общением сетевыми средствами массовых коммуникаций, связан с распространением новой электронной технологии и созданием ею нового пространства. Этот этап формирует *электронное пространство* социальной памяти, с появлением Интернета – *виртуальное пространство*. Доказывается, что появление новых коммуникационных технологий, непосредственно влияет на глубину и объем социальной памяти и знаменует новый этап существования последней. Расширение пространства социопамяти детерминирует соответствующее расширение и эскалацию ее институциональных векторов, осуществляющихся посредством вербальных, графических, электронных и виртуальных средств коммуникации.

Исследуется генезис и развитие институтов социопамяти, которые зависят от сложившихся способов кодирования и передачи информации в социально-исторической среде. Автор выделяет 6 этапов институционализации социальной памяти. В качестве критериев осуществляемой периодизации выступают средства кодирования и передачи информации, характерные для определенного этапа развития общества. Возникновение институтов социальной памяти можно отнести к племенному обществу, наиболее ярко отражающему сущность традиционных обществ, где правильный путь, которому должен следовать человек, всегда определен заранее. На первом этапе институционализации социопамяти в качестве механизма трансляции социального опыта, выполняющего функции социальной памяти, выступали системы жестовых знаков, ритуальные обряды, архаические языковые структуры. Данные механизмы позволяли социальным субъектам воспроизводить информационные структуры значимых событий и объединяли их в общее ментальное поле, образующее духовное ядро исторического пространства социальной общности. Второй этап связан с окончательным оформлением языка как социального института, что приводит к развитию вербальной структуры социальной памяти. Язык,

вырабатывая и транслируя свои нормы, схемы мышления и, следовательно, поведения, оказывает влияние на человека и подчиняет его своим структурам. Он «объективирует опыт, разделяемый многими, и делает его доступным для всех, кто относится к данной лингвистической общности»⁴. Посредством языка социальный субъект типизирует свои субъективные переживания. Устная традиция является переходным этапом между периодами становления речи и появлением письменности, когда грамотность, выраженная в письменных источниках, еще не пришла на смену традиционной устной культуре. Именно из таких устных воспоминаний черпали многие сведения первые историки, работающие на основе рукописного текста, – Геродот и Фукидид. Далее автор анализирует четвертый этап институционализации социопамати. С появлением письменности усложняются механизмы трансляции социального опыта, что знаменует новый этап существования социальной памяти: переживание событий прошлого стало возможно не только посредством устной традиции, но также через приобщение к рукописным текстам, доступ к которым, однако, имели не все. Таким образом, тексты представляли собой новый способ вживания в ценностно-смысловой мир прошлых эпох и новые механизмы трансляции социального опыта будущим поколениям. На смену рукописным текстам приходят печатные книги, вследствие чего появляются институты, контролирующие информационные потоки и движение информационных носителей (книг, печатных текстов, журналов). Современная культура связана с эпохой бурного развития информационных и компьютерных технологий, глобальной сети Интернет. Общество вступает в эпоху посткнижной культуры, для которой характерен переход от текстовой структуры информации к электронной. Привычная текстовая структура ресурсных полей в памяти заменяется электронно-информационными полями, в связи с чем происходят многочисленные изменения в структуре и формах сохранения культурного наследия прошлого. Каждый из отмеченных этапов, погружая субъектов в свое пространство, диктует свои нормы и правила, по которым происходит передача смысла. Погружая в интерсубъективный мир как поле взаимосоотнесенности субъектов, средства кодирования и передачи информации типизируют и институционализируют индивидуальные и субъективные переживания, вынуждая мыслить по транслируемой схеме.

Второй параграф «Субъект социальной памяти: онтологические и ценностные основания» посвящен выявлению онтологических и ценностных оснований существования и функционирования субъектов социальной памяти. Обосновывается необходимость выделения и разграничения как индивидуальных, так и коллективных субъектов, которые с точки зрения автора отличаются такими признаками, как

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. – С. 18

взаимосвязанность членов группы, совместная активность и групповая саморефлексивность.

Автор утверждает, что человек, социальная группа и общество выступают как объектами, так и одновременно субъектами исторической и социальной памяти: объектами они выступают в той мере, в какой разворачивают в социуме свое объективное социальное бытие, а субъектами – поскольку они способны активно изменять и даже манипулировать содержанием источников и артефактов памяти.

Доказывается, что изначальным субъектом мнемической деятельности является коллективный субъект: лишь включаясь в разнообразные социальные группы и сообщества и опираясь на коллективные воспоминания, индивид становится субъектом собственной мнемической деятельности, в том числе и познавательной. По мнению автора, коллективный субъект существует вне отдельного индивидуального субъекта, функционируя и выявляя себя не только через внутренние структуры сознания индивида, но и через внешнюю предметно-практическую деятельность и коллективную познавательную деятельность с системами объективированного знания.

Автор делает акцент на том, что способность индивидуального сознания удерживать воспоминания конечна: преодолением этой конечности является удержание памяти в интересующем мире культуры. Посредством коммуникации, символов и языка мы создаем мир вокруг себя, в котором и удерживаются наши воспоминания. Поэтому память – не строго индивидуальный феномен, так как она символична и поэтому – интересна. Автором доказывается, что одной из предпосылок существования коллективного субъекта, коллективного мышления и коллективного сознания является то, что люди, живущие в обществе, пользуются словами и понимают их смысл, что и приводит к появлению общего смыслового пространства. Слова, имеющие определенный смысл, сопровождаются воспоминаниями. Именно речь и вся система социальных конвенций позволяет реконструировать нам наше прошлое.

Автором делается вывод о том, что коллективное сознание, мышление, память не свёрхорганичны, но инкорпорированы в телесность. Безусловно, коллективный субъект «сам по себе» (как таковой) не обладает памятью, но он обуславливает личные воспоминания индивидуального субъекта, которые возникают посредством коммуникации и взаимодействия в рамках социальной группы.

Во второй главе диссертации «Генезис социальной памяти: от традиционных структур к мнемической матрице открытых обществ» исследуются изменения, происходящие с социальной памятью с переходом от закрытого общества к открытому. Автор исследует понятие мнемической матрицы и ее структуру в закрытых и открытых обществах. Анализируется соотношение мнемической, институциональной и культурной матриц, а также их взаимосвязь.

Первый параграф «Социальная память в традиционных обществах» посвящен анализу основных функций, структуры, роли и значения социопамяти и мнемической матрицы закрытых обществах. В понятии «закрытое общество» автор вкладывает устройство социальной жизни, не соответствующее либерально-рационалистическим принципам, и относит к таким обществам племенные (магические, коллективистские), традиционные формы социальной жизни. Автор, придерживаясь определения К. Поппера, отмечает, что общество является закрытым, когда его члены обременены правилами, инструкциями, условностями и предрассудками, которые навязывают им определенный образ жизни и ограничивают выбор предписаниями, которые нельзя изменить.

Утверждается, что закрытое общество, сделавшее свои традиции священными, поставив на них печать сверхъестественного, тем самым достигло укрепления своего могущества и своей стабильности. Несомненно, традиции, выполняющие цементирующую роль в обществе, ограничивают сферу активной целенаправленной избирательной деятельности совокупного субъекта социального наследования. Доказывается, что установление и признание сакрального статуса социальной памяти в закрытых обществах способствуют ее жесткому, централизованному и предписывающему характеру, детерминирующему поступки и познавательные императивы отдельного индивида. Высокий уровень стандартности мышления, коллективного сознания способствуют однородности содержания социальной памяти закрытых обществ. Автор приходит к выводу, что в традиционном обществе память выступает инструментом познания и хранилищем ее сущностного содержания. В отличие от памяти современного человека, предпочитающем помнить скорее об утилитарном значении предметов и явлений, память традиционного общества составляет, по большей части, содержание предшествующей культуры.

Социальная память закрытого общества, основанная на традициях, представляет собой мощный институциональный механизм, целиком и полностью направленный на сохранение и удержание прошлого и регламентирующий сознание и поведение индивида, весь образ жизни которого был направлен на воспроизведение ценностей и смыслов прошлого, что способствовало удержанию прошлого в настоящем. Сама память носит сакральный характер и выступает как нормативная структура общества.

Исследуется понятие мнемической матрицы. По мнению автора, в основе мнемической матрицы лежит институциональная матрица закрытого или открытого общества, обусловленная, в свою очередь, культурной матрицей. Картина мнемической матрицы формируется на пересечении трех компонентов: информационного, институционального и деятельностного. Соответствующий характер этих компонентов позволяет выявить матрицу либо открытого, либо закрытого общества.

Утверждается, что мнемическая матрица закрытого общества реализуется в соответствии с институциональной матрицей этого типа общества и основными его институтами.

По мнению автора, информационный аспект мнемической матрицы закрытых обществ представляет память как систему знаний и непререкаемых догм, которые носят закрытый характер: накапливаются, хранятся и передаются в рамках одной касты, сословия, от поколения к поколению. Закрытость системы знаний объясняет сакральный характер памяти, создаются иные мнемические средства (мнемокоды), цель которых – сохранить и передать содержание памяти с наименьшей фальсификацией. Деятельностный аспект мнемической матрицы закрытых обществ репрезентирует социопамять как коллективную деятельность по ценностно-смысловой реконструкции и максимальном удержании прошлого, воспринимающегося в качестве «сакрального», в настоящем. Деятельностный аспект мнемической матрицы закрытых обществ, утверждающий приоритет «Мы» над «Я», репрезентирует зависимость индивидуального сознания от образцов, норм и правил, господствующих в обществе и поддерживаемых традицией. Институциональный аспект определяет социопамять как совокупность институтов, непосредственно воздействующих как на тело (внешний контроль), так и на сознание (внутренний контроль).

Во втором параграфе «Социальная память и ее мнемическая матрица в открытых обществах» автор анализирует изменения, происходящие с социопамятью с переходом к открытому обществу, исследует структуру мнемической матрицы открытого общества и усматривает ее взаимосвязь с понятием культурная матрица. Доказывается, что память приобретает определенные свойства, соответствующие нарастающей сложности мира.

Согласно автору, поддерживающему определение К. Поппера, общество является открытым, когда ничто не препятствует индивидам развивать свои способности и индивидуальность, когда социальные институты организованы таким образом, что их можно изменять и совершенствовать в направлении свободной жизни индивидов.

Автор приходит к выводу, что глобализация человеческой деятельности, прерывающая трансляцию ценностно-смысловых характеристик и преемственность культурных традиций, становится основным условием разрушения или изменения социокультурного порядка институциональной структуры общества. И если в закрытом (традиционном) обществе роль институциональных структур выполняли традиции, то с переходом к открытому обществу их роль угасает, так как субъект отказывается от готовых матриц поведения и посредством рефлексии самостоятельно интерпретирует происходящие события. В современном обществе память продолжает влиять на сознание, но посредством иных институциональных механизмов – более «тонких» и латентных, непосредственно влияющих на сознание субъекта.

Автор доказывает, что социальная память в открытом обществе перестает носить характер «переданной по наследству»; она опосредуется сознанием индивидуальных субъектов, которые в соответствии со своими

интересами и целями принимают, трансформируют или вовсе отвергают «истины» прошлого; деятельностью социальных групп как субъектов культурного действия, задающих «рамки» воспоминаний и восприятия прошлого; и «творцов» образов прошлого, использующих властные ресурсы социальной памяти в своих интересах.

Автор выявляет структуру мнемической матрицы в открытом обществе. Мнемическая матрица открытого общества реализуется в соответствии с тремя компонентами: информационным, институциональным и деятельностным, характер которых обусловлен открытым типом институциональной матрицы. Информационный компонент мнемической матрицы открывает ресурсный аспект социопамяти: отдельный индивид, получив доступ к различным информационным слоям социальной памяти, выстраивает собственную социальную и историческую идентичность не с помощью запрограммированных стереотипов, а на основе собственного выбора. Деятельностный аспект мнемической матрицы репрезентирует личностный аспект социальной памяти, которая из системы коллективной социокультурной деятельности, представленной в закрытых обществах, превращается в систему активной деятельности индивидуальных субъектов. Институциональный аспект мнемической матрицы репрезентирует социопамять как институциональную систему, оказывающую латентное воздействие на сознание субъекта и его картину мира.

В работе автор исследует риски, связанные с функционированием социальной памяти, в связи с чем выдвигается положение о рискогенном пространстве социальной памяти, выявляются возможные территории возникновения рисков.

В **Заключении** диссертации подводятся общие итоги исследования, формируются выводы и намечаются перспективы дальнейших изысканий по теме.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. Шаповалова Н.С. Социальная память в посткнижной культуре // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Том 11. Выпуск 3. – 2011. – С. 22–25 (0,3 п.л.).
2. Шаповалова Н.С. Социальная память открытого общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Том 12. Выпуск 1. – 2012. – С. 45–48 (0,3 п.л.).

Публикации в других изданиях:

3. Шаповалова Н.С. Социальная память: институциональный дискурс // Инновационное общество – новая историческая эпоха цивилизационного развития: Сборник научных трудов. Т. 2, Ч. 1. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – С. 105–108 (0,3 п.л.).

4. Шаповалова Н.С. Воздействие гиперреальности на социальные процессы: философский анализ // Жизненный мир философа в эпоху глобализации: Сборник научных трудов. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – С. 66–71 (0,3 п.л.).
5. Шаповалова Н.С., Стеклова Н.А. Социальная память в открытых обществах: коммуникационный аспект // Общество знаний в XXI веке: Сборник статей молодых ученых. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2010. – С. 79–84 (0,3 п.л.).
6. Шаповалова Н.С., Стеклова Н.А. Социальная память в условиях глобальных средств массовой коммуникации: социально-философский анализ // Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования: Сборник научных трудов 8 международной научно-практической конференции. – Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010. – С. 23-28 (0,4 п.л.).
7. Шаповалова Н.С. Память как социально-коллективный феномен: дифференциация понятий // Наука и современность-2010: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Ч. 3. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2010. – С. 139–145 (0,4 п.л.).
8. Шаповалова Н.С. Рискогенное пространство социальной памяти // Будущее России: стратегии философского осмысления: сборник статей – СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2011. – С.210–216 (0,4 п.л.).
9. Шаповалова Н.С. Социальная память в традиционных обществах // Журнал «XXI век: гуманитарный проект». – Саратов: ГАОУ ДПО «СарИПКПРО», 2011, №1. – С. 49–53 (0,5 п.л.).
10. Шаповалова Н.С. Социальная память и проблема наследования культурно-исторического опыта // Стратегии социализации молодежи в глобальном мире: Сборник научных трудов. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2011. – С. 108–112 (0,4 п.л.).
11. Шаповалова Н.С. Коллективный субъект социальной памяти // Личность в современном мире: жизненные стратегии, ценности, риски. – Саратов, 2011. – С. 91-96 (0,4 п.л.).
12. Шаповалова Н.С. Социальная память в контексте русской духовной религиозной традиции // Научно-образовательный журнал «Цивилизация и человек». № 3, 2011. – С. 81–87 (0,4 п.л.).
13. Шаповалова Н.С. Властный ресурс социальной памяти в глобализирующемся мире // Ценности, риски коммуникации в изменяющемся мире: Сборник научных трудов. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2012. – С. 52–56 (0,4 п.л.).
14. Шаповалова Н.С. Социальная память в закрытых обществах // Россия в глобальном мире: онтологические основания и проблемы идентичности: Сборник статей молодых ученых. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2012. – С. 126-133 (0,5 п.л.).